

На правах рукописи

Новиков Игорь Александрович

**АРТЕЛИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Керов Валерий Всеволодович

доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Петрович

Ведущая организация: **ГУО ВПО «Алтайский государственный университет»**

Защита состоится 03 июня 2011 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.267.03 в ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (643050, г. Томск, пр. Ленина, 34, ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а.)

Автореферат разослан «26» апреля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость настоящей диссертации заключается в исследовании феномена артели в России как особой формы организации труда и быта населения. Отечественная историческая литература уделяла слабое внимание этой теме, что не в последнюю очередь это связано с весьма широким и неопределённым использованием самого слова «артель» в русской историографии.

Тема исследования напрямую связана с обширной проблематикой трудовых (и шире – в целом коллективистских) практик в жизни людей. Артель как самостоятельное объединение представляет собой отражение низовых «демократических» традиций в русском обществе, а стало быть, приобретает не только научное, но и практическое значение в современных условиях, являясь в области экономических отношений одним из фундаментов формирования социально-трудовых субъектов общества при трансформации последнего из корпоративного в правовое.

Роль самоорганизованных трудовых коллективов исключительно важна для понимания исторических процессов, ведь форма организации труда является стержнем любого производства. Они занимают особое место в процессе классовообразования при переходе от аграрного общества к индустриальному. Это движение, обозначаемое в исследовательской литературе как модернизация, признаётся сейчас одним из определяющих ход мировой истории. Россия, находившаяся в XIX – начале XX вв. в начальной стадии этого процесса, не избежала социальных трансформаций. Формирование рабочего класса, в частности, слоя постоянных кадровых рабочих с их особым самосознанием, шло на основе вытеснения традиционных форм организации труда и быта на периферию хозяйственной жизни. Условно «старое» сменяло условно «новое», но в эту переходную эпоху они соседствовали, например, артели на отхожих промыслах и рабочие коллективы на капиталистически организованных промышленных предприятиях. Важной является и трансформация межличностных отношений, а также самих принципов возникновения трудовых коллективов. Об-

ращение в этом смысле к артельным традициям позволяет увидеть этот процесс в развитии: от традиционных форм к иным – мутировавшим под воздействием новой социально-экономической обстановки.

Актуальность исследования заключается, в том, что при любых общественных трансформациях сохраняется роль самоорганизации в трудовых объединениях. В современных условиях, при переходе от индустриального общества к постиндустриальному, возрастает ответственность работников за сам процесс производства, повышается важность самостоятельности, личной инициативы. И когда значение больших организаций падает, то возрастает роль самоорганизации и взаимоподдержки в рамках небольших автономных групп. Труд индивидуализируется и нередко приближается к ремесленному. При этом наблюдается возврат к старым формам объединения и хозяйственного сотрудничества. Это изменение роли самоорганизации в малых коллективах и заставляет обратиться к анализу опыта прошлого, когда она была одной из основных форм организации самого производства.

Во-вторых, следует отметить исключительную важность практики самоорганизации и самодеятельности, которая является основой гражданского общества. Обращаясь к изучению опыта гражданского строительства в странах Запада, не лишне обратить внимание и на традиции, ставшие, в частности, одной из основ экономических организаций нового индустриального мира России, и рассмотреть выработанные многовековой практикой артельные объединения. Без их специального изучения не могут быть поняты и перспективы использования накопленного опыта производственного самоуправления в современных условиях. Незавершенность артельной проблематики в исторической литературе делает подобную задачу ещё более актуальной.

В-третьих, и в региональном плане эта тема важна, поскольку процесс хозяйственного освоения российских территорий (в том числе и Сибири) в значительной мере опирался на артельное начало.

Степень изученности темы. Традиция артельной самоорганизации и критерии выделения артельного союза на фоне иных хозяйственных объедине-

ний как самостоятельный предмет научного исследования слабо представлены в отечественной историографии. Специальных исторических трудов, в которых в целом изучается феномен артели в России и её место в дореволюционном производстве и быте, немного. Фактически, с одной стороны, можно говорить лишь о монографии А.А. Исаева, в которой предпринята попытка определить сущность артели¹, и нескольких статьях по артельной проблематике специального характера. Самое первое научное исследование артелей – работа Н.В. Качалова – весьма наглядно показывает уровень начального знания о них в России, сам текст (объём и лексика) характеризует её как работу самого общего плана². Из работ, где артели в целом рассматриваются как самостоятельная проблема и анализируется их роль в хозяйственном механизме общественной жизни, следует назвать обстоятельную статью Е. Васьковского для словаря Брокгауза и Ефрона начала XX в.³, работы 1920-х гг. М. Слобожанина⁴ и К. Пажитнова⁵ и чуть ли не единственные в современной историографии статьи В.П. Зиновьева⁶.

С другой стороны, существует масса литературы, лишь косвенно затрагивающей интересующие нас вопросы, вплоть до простого упоминания о существовании артели, при котором термин «артель» обыкновенно вообще никак не определяется и рассматривается как общепринятый, не нуждающийся в каких-либо пояснениях. Это приводит к пониманию каждым автором под артелью весьма разных по своей структуре союзов, и использованию этого слова лишь в качестве синонима самых разнообразных «объединений нескольких». Удиви-

¹ Исаев А.А. Артели в России. Ярославль, 1881. 336 с.

² Качалов Н.В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. 93 с.

³ Васьковский Е. Артель (история артели и законодательство об артели) // Новый энциклопедический словарь под общей ред. почётн. акад. К.К. Арсеньева (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). Т. 3. СПб., 1911. С. 749-764.

⁴ Слобожанин М. Историческое развитие идей артельного движения. (2-е перераб. и доп. изд. кн. «Народоправство и трудовое начало в исторических формах бытовых артелей»). Боровичи. 1919; Он же. Артели. Общедоступный очерк. Боровичи, 1920.

⁵ Пажитнов К. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Петроград, 1923. С. 54-73.

⁶ Зиновьев В.П. Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М., 1993. С. 214-252; Он же. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.): Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Толочко; Омск. ун-т. – Омск, 1994. С. 26-38; Он же. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. Научный журнал. Томск, 2007. № 1. С. 21-33.

тельно, но артель, кажущаяся чем-то хорошо понятным всем, до сих пор так и не получила всесторонней научной трактовки, а в литературе и дискуссиях под артелью зачастую выступают различные «фантомы» (законодательные, идеологические, стилистические), а не реальная народная самоорганизация доиндустриальной эпохи. Артель как социокультурный феномен дореволюционной России до сих пор остаётся не изученной⁷.

Отмеченные выше особенности исследовательской литературы, в разной степени касающейся интересующего нас вопроса, равно характерны для XIX, XX и самого начала XXI в., а потому делают непринципиальным разделение историографии по артельной проблематике на традиционные периоды – дореволюционный, советский и современный. Понятно, что охват всей литературы по смежным темам, в рамках которых уделялось внимание артелям, невозможен, поэтому здесь мы останавливаемся только на некоторых больших проблемных блоках, актуальных для настоящего исследования.

Для теоретического аспекта разрабатываемой проблемы интерес представляют сочинения юристов М. Горенберга, К. Грюнвальда, И.И. Дитятина, Э. Вредена, В. Краснокутского, И. Оршанского и др. заметки, сообщения и лекционные курсы опубликованные в Журнале гражданского и уголовного права / Журнале юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете в 1870-1890-е гг., в которых в рамках обсуждения гражданского законодательства уделялось место и артелям. Все они написаны на материале европейской части страны, и касаются отношения официального права к организации артелей. Для изучения артели как реально существующего хозяйственного союза, а не законодательной конструкции большой интерес представляют нормы обычного права русских крестьян и коренных жителей Сибири, представленные в публикациях юристов, этнографов и иных исследователей практики народных трудовых отношений (И.В. Власов, Н.А. Костров, И. Оршанский, С.В. Пахман и др.).

⁷ См.: Зиновьев В.П. Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII-XX в.: Сборник материалов научной конференции. Новосибирск. 2007. С. 33.

Обращаясь к работам предшественников, специально не посвящённых артели, кроме общего достаточно нечёткого представления об этой форме товарищества и отсутствия собственно артельной проблематики в отечественной историографии XX-XXI в., нельзя не отметить, что благодаря им накоплен огромный первичный материал. В разделе о бытовых артелях были использованы данные медицинского осмотра сибирских речников 1913-1914 гг., собранные и обработанные В.Н. Большаковым и Е.П. Цепенниковой⁸. Для раздела об артелях в сибирской золотопромышленности большое количество интереснейшего материала почерпнуто из двухтомника В.И. Семевского⁹. На некоторые важные для настоящего исследования аспекты взаимодействия артели с другими формами хозяйственно-экономических организаций было обращено внимание в сочинениях И.Г. Прыжова, А.Н. Энгельгардта, С. Миклашевского, Л.М. Горюшкина, Б.Н. Миронова, А.А. Николаева, О.В. Хархордина, В.Н. Рынкова, Я. Коцониса, Г.М. Запорожченко, Т.Я. Валетова.

Также для настоящей работы были полезны исследования как концептуального социально-экономического плана, так и конкретные хозяйственно-отраслевые и этнографические работы. Во-первых, это *литература, группирующаяся вокруг общей проблемы развития капитализма в России*, традиционно рассматривающая «артельность/общинность» в нераздельной связке как специфическую коллективистскую народную особенность, якобы позволяющую преодолеть индивидуализм буржуазных социально-экономических отношений надвигающейся индустриальной цивилизации. Замечено, что такие работы характеризует общая «идеализация артельного труда и хозяйства»¹⁰. При этом к «артели/общине» обыкновенно добавляется компонент кустарничества, домашней промышленности (центральная фигура здесь – В.П. Воронцов¹¹).

⁸ Большаков В.Н., Цепенникова Е.П. Материалы санитарных обследований судовых команд как источник по истории рабочих речного транспорта в России (На примере данных по бассейну Енисея за 1913-1916 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 31-52.

⁹ Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. I. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. LXXXIV, 578 с.; Т. II. Положение рабочих после 1870 г. 915 с.

¹⁰ Блинов Н.В. Дореволюционная историография о положении рабочих в Сибири // Из истории Сибири. Вып. 4. Томск, 1972. С. 162.

¹¹ Воронцов В.П. Значение кустарных промыслов, общие условия их развития и меры их поддержания в России (доклад). СПб., 1902; В.В. [Воронцов В.П.] Мелкое производство в России. I. Артель в кустарном про-

Эти особенности рассмотрения артелей, идущие от «народнической» литературы в значительной степени характерны и для всей последующей историографии. В этом смысле критика народников со стороны марксистов касалась в основном их трактовки социально-экономического развития страны, но практически не затрагивала само достаточно смутное понимание артели¹². Здесь необходимо отметить и ряд трудов марксистских классиков, ставших основой советской историографии изучения хозяйственной жизни России¹³. Следует сказать, что вне зависимости от идеологической направленности авторов, благодаря конкретно-историческим исследованиям предшественников в нашем распоряжении имеется масса фактического материала, в т.ч. доступны уже опубликованные источники по различным отраслям народного хозяйства, на основе которых и может быть рассмотрено функционирование артельной традиции в прошлом.

В работе над диссертацией привлекались социально-экономические сочинения, написанные как до 1917 г. (Е.Н. Андреев, А. Гакстгаузен, А.В. Глебов (Меркулов), В.Н. Григорьев, А.А. Кауфман, Н.Н. Козьмин, И.М. Козьминых-Ланин, А.О. Корсак, А.А. Колычев, Е.Н. Коренев, М.Ф. Кривошапкин, Н.В. Латкин, Николай-он (Даниельсон Н.Ф.), Н. Новомбергский, А.В. Прилежаев, В.И. Семевский, М. Слобожанин, М. Соболев, О.Г. Тернер, Н. Трегубов, Н. Флеровский (В.В. Берви), Н.В. Шаховской, Н.М. Ядринцев и др.), так и исследования, выполненные уже после революции и посвященные прежде всего различным отраслям экономики и промышленному развитию страны, положению тружеников на производстве и в целом – рабочему вопросу и рабочему движе-

мысле. СПб., 1895. 200 с.; Он же. Мелкое производство в России. II. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. 103 с.; Он же. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886. 233 с.; Он же Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб., 1907. 220 с.

¹² Волгин А. [Плеханов Г.В.] Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.). СПб., 1896. 283 с.; Ленин В.И. По поводу одной газетной заметки // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 2. С. 425-432.

¹³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии (Т. 1. Кн. 1. Гл. 11. Кооперация) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23. С. 333-347; Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1980. Т. 17. С. 57-137; Он же. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 2. С. 317-424; Он же. Развитие капитализма в России: процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958. Т. 3. С. 1-609.

нию (А. Блек, Ю.И. Кирьянов, Ф.С. Григорьев и Я.Е. Шапирштейн-Лерс, Э.Э. Крузе, А.А. Мухин, А.Г. Рашин, К.Н. Тарновский, В.П. Зиновьев и др.).

Отдельный специфический пласт исследований, который имеет отношение к изучению артелей, составляет *литература по кооперативной проблематике*: как дореволюционная (А. Васильчиков, С.Н. Прокопович, М.И. Туган-Барановский, В. Червинский, А.Н. Энгельгардт, А.В. Яковлев, и др.), так и последующая (В.К. Алексеева, М. Балабанов, А.И. Батура, А.Д. Белимович, Н.И. Бурнашева, С.Д. Домников, О.А. Задорожная, Г.М. Запорожченко, Б.В. Иванов, П.Н. Иванов, В.В. Кабанов, Е.Э. Казаков, Т.А. Кискидосова, С.В. Макарчук, А.А. Николаев, Н.К. Харчевникова, Е.М. Чедурова и др.), которая требует разбора в силу повсеместного некритического отождествления артельного союза и кооперативного объединения. «Кооперативный» взгляд на артель отдельно разбирается в соответствующем разделе диссертации, здесь же важно отметить, что существенная часть кооперативной литературы, будучи для своего времени не столько историческими исследованиями, сколько публицистическими и аналитическими откликами на животрепещущие вопросы современности, представляет собой работы, несущие большой отпечаток мировоззренческих и идеологических предпочтений-прожектов авторов¹⁴. И хотя уже наиболее проницательные современники отмечали некоторую умозрительность их теоретических построений и ущербность кооперативных предприятий, называемых «артелями», особенность такого взгляда на артель также переключалась из XIX в. в историографию последующего времени.

Особняком и наиболее близко к артельной проблематике стоят *отечественные исследования трудовых и бытовых традиций сибирского населения* (З.П. Горьковская, М.М. Громыко, Н.А. Зарецкая, В.А. Зверев, А.А. Лебедева, Н.А. Миненко и др.). Нужно отметить, что, во-первых, в основном работы этих авторов затрагивают более ранний временной промежуток (обыкновенно до половины XIX в.). Во-вторых, для них в целом характерно рассмотрение артели

¹⁴ См. подробнее об этом: Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. IV. М., 1994. С. 39-68.

как одной из форм крестьянской взаимопомощи в одном ряду с «помочью», «супрягой» и иными формами семейно-общинного коллективизма. В поле зрения здесь попадает именно «промысловая артель», т.е. трудовая артель на различных промыслах: как добывающих, так и обрабатывающих, где артели уже традиционно рассматриваются в неразрывной связке с крестьянскими домашними мастерскими (кустарно-промышленными предприятиями), и к тому же в обоих случаях они зачастую неотличимы от общины¹⁵. В-третьих, здесь традиционно не проясняется используемый термин «артель» (отсюда и присутствие в текстах множества комбинаций «артели» / «семьи» / «общины» и «кооператива»).

Механизм формирования и передачи традиций хозяйственной деятельности крестьян Сибири в период феодализма раскрыт М.М. Громыко. Ею показана роль *крестьянской семьи* как первичной производственной единицы в закреплении и передаче опыта трудовой деятельности крестьян, *сельской общины*, коллективных работ и коллективных праздников, а также народного календаря, примет, пословиц¹⁶. Хронологически уже в эпоху капитализма трудовые традиции сибирского крестьянства продолжала изучать З.П. Горьковская, отмечая, что «данная проблема периода капитализма историками не раскрыта, она весьма актуальна и требует специального исследования»¹⁷. В последнее время изучение хозяйственных традиций плодотворно продолжается рядом отечественных авторов в конфессионально-этическом аспекте трудовых отношений на примере старообрядческого предпринимательства (В.В. Керов).

Наконец, последним большим блоком исследовательских работ, привлечённых в процессе работы над диссертационным сочинением, следует указать *специальную литературу по различным аспектам хозяйственного освоения Си-*

¹⁵ Причём эта «промысловая артель» наряду с кооперативами/колхозами, практически полностью исчерпывают собой моменты присутствия «артельной» тематики в общей массе послереволюционных и современных научных исследований Сибири. См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. (А-И). Новосибирск, 2009. С. 130.

¹⁶ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первой половины XIX). Новосибирск, 1975. С. 5, 150, 188.

¹⁷ Горьковская З.П. . Влияние переселения на трудовые традиции крестьянства Сибири в эпоху капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма (Межвузовский сборник научных трудов). Новосибирск, 1980. С. 112-113.

бири и по отдельным отраслям её народного хозяйства. При изучении прошлого Сибири многие авторы, так или иначе, упоминают об «артелях», практически всегда в виде простого указания на их существование – попутно – при изучении других или более общих вопросов. Из относительно недавних работ, следует назвать отраслевые исследования по рыболовству и охоте (Э.В. Галажинский и В.П. Зиновьев, Е.Л. Изергина, А.А. Малых, Е.В. Санкин и др.), ореховому промыслу (И.В. Артюхова, Н.К. Байжуманова, Г.А. Бочанова, Е.И. Соловьёва и С.В. Федорчук и др.), золотопромышленности (Л.Б. Лерман, А.И. Митин, Н.Д. Овсянникова, А.Г. Патронова, Л.А. Солопий, И.П. Трофимов, В.И. Тужиков, П.П. Румянцев, С.Ф. Хролёнок и др.), транспорту (В.Н. Большаков, Д.В. Залужная, В.П. Зиновьев, О.Н. Катионов, Д.И. Копылов, Ф.С. Кузьмина и др.), строительству, в т.ч. и железнодорожному (Т.И. Баталова, П.Г. Васенко, П.С. Коновалов и др.), сельскому хозяйству и в целом крестьянству (Л.М. Горюшкин, М.В. Дорофеев, П.Ф. Никулин, Ф.Г. Сафронов и др.), сельскохозяйственному и промышленному пролетариату (В.П. Андреев и М.Д. Дорофеев, Т.И. Андреева, Б.К. Андрющенко, Н.В. Блинов, В.Н. Большаков, В.А. Бузанова, Ю.П. Горелов, Л.М. Горюшкин, Б.И. Земеров, В.П. Зиновьев, А.Е. Плотников, В.А. Скубневский, Е.И. Соловьёва, В.А. Степынин, В.И. Тужиков, Н.В. Фаронов и др.) и др.

Присутствующие в многочисленных сборниках научных сочинений исследования, описывающие производственные отношения в отдельных районах и на конкретных предприятиях, учтённые в работе над настоящей диссертацией, помимо общей характеристики того или иного промысла или производства порой отмечали и характер трудовых коллективов, правда всё с той же уже указанной неопределённостью в терминологии. Например, А.А. Малых, изучая порядки эксплуатации рыбных угодий, использовал оппозиции «вольно-артельный» и «общинно-артельный», «артель-товарищество» и «артель-община», «вольный промысел» и «мирская артель»¹⁸.

¹⁸ Малых А.А. Рыболовный промысел в государственной деревне Западной Сибири в 40-50-е годы XIX в. // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 96.

В советское время в рамках общей темы хозяйственного освоения сибирского края отраслевые исследования сосредоточивались в основном либо на проблеме развития отдельных производств, либо на широком спектре проблем процесса классовообразования. Итоговыми для этого периода развития исторической науки являлись коллективные монографии по вопросам истории сибирского крестьянства и рабочего класса¹⁹. Об артелях в них присутствуют лишь самые отрывочные сведения на уровне простого упоминания.

То, что форма организации труда и быта на тех или иных промыслах и собственно традиция хозяйственной самоорганизации в отечественной историографии изучены слабо (а иные вопросы даже и не поставлены) очевидно, если обратиться к существующим историографическим обзорам литературы по приоритетным сюжетам истории региона, где артельная проблематика практически нигде не отражена. В целом, историография изучения традиционных хозяйственных объединений прошла ряд исторически обусловленных этапов: до-революционный, советский и современный (1990-2000-е гг.).

Особенностью первого является то, что за редким исключением, артель в качестве объекта исследования попадала в поле зрения не профессиональных историков-специалистов, а юристов, чиновников, местных предпринимателей, теоретиков и практиков кооперативного движения, врачей, путешественников, политических оппозиционеров, ссыльных и др. Понятно, что при этом взгляд на артель существенно зависел от сферы интересов автора. Единственный момент, разделяемый, пожалуй, всеми – общее представление об ущербности и бесперспективности низовой народной самоорганизации и самодеятельности без внешнего направляющего и организующего воздействия. Ведущая роль в определении формы организации крестьянского труда и быта традиционно приписывалось не самим труженикам, а государству, интеллигенции, промышленникам и пр. При этом регламентированное «артельное» объединение, отражённое и в законодательстве и в практике административного составления трудовых

¹⁹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. 501 с.; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. 383 с.; История Кузбасса. Кемерово, 1967; История Сибири с древнейших времён до наших дней в пяти томах. Л., 1968. (Т. 2. Сибирь в составе феодальной России; Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма); Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 442 с.

коллективов, по сути, приравнивалась к собственно артельному союзу, выработанному многовековой народной традицией. Подобная точка зрения отражена практически во всех изданиях, оценивающих различные стороны общественной и хозяйственной жизни страны.

В советское же время артели выпадали из поля зрения историков, поскольку приоритетным было изучение процессов классовобразования. На раннем этапе некоторые, смежные вопросы рассматривались в рамках изучения кооперации и профсоюзного движения, и на страницах журнала «Архив истории труда», но собственно артелей они касались весьма опосредованно. Акцент на т.н. «больших» проблемах позволял только поставить вопрос о сущности артельного товарищества, но фактически любая рабочая самоорганизация (на производстве) рассматривалась в русле профсоюзно-партийного строительства, а крестьянская хозяйственная взаимопомощь – в рамках семейно-общинных отношений и кооперативного движения (порой в его колхозном варианте). Артель попадала в поле зрения историков, занимающихся «феодалной эпохой» (условно до середины XIX в.) и бытописателей, но не отмечается попыток определения границ используемого термина «артель» и всестороннего анализа артели как социокультурного феномена.

Артельная организация труда, если и рассматривалась в отечественной историографии последних лет, то лишь попутно с другими вопросами – в связи с рабочим движением, промыслово-отраслевой кооперацией и пр. Слабо отражены, либо вообще не выявлены отличительные черты именно артельного коллектива от иных случаев объединения группы лиц (семья, община, кооператив). Иными словами в отечественной историографии интересующая нас артельная традиция хозяйственной самоорганизации в России (и в Сибири, в частности) фактически не исследована, что отмечается в историографии²⁰. Отсутствие специальных обобщающих исследований по артельной проблематике на протяжении более века обусловило выбор темы данной диссертационной работы.

²⁰ Николаев А.А. Два уровня развития кооперативного движения в России и исторический выбор большевизма // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сб. научных трудов. / Гл. ред. – Н.А. Томилов, Н.К. Чернявская, отв. ред. С.А. Рублевская, В.В. Слабодский. Омск, 2000. С. 25; Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 7.

Объектом настоящего исследования выступают отношения в трудовых коллективах в ситуации перехода от традиционного к индустриальному обществу, в начальный период которого Россия вступила во второй половине XIX – начале XX вв. **Предметом** является феномен артельной формы хозяйственной самоорганизации и эволюция этой традиции в указанное время.

Целью диссертационного исследования является выяснение сущности артельной традиции самоорганизации и её трансформации в процессе модернизации, а также её понимания в дореволюционной отечественной историко-правовой литературе, публицистике и историографии. Соответственно заявленной цели в рамках работы поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать существующие на данный момент трактовки понятия «артель» в отечественной литературе и практику его применения по отношению к различным коллективам;

- обозначить отличительные организационные принципы этого союза по сравнению с иными хозяйственными объединениями (кооператив, община) и с учётом этого определить термин «артель» для исследования традиций коллективного хозяйствования в России пореформенного периода;

- выявить структурные элементы и наиболее характерные сферы бытования артельной традиции в дореволюционное время и показать особенности её существования и трансформацию при переходе от традиционного общества к индустриальному.

Хронологические рамки диссертации охватывают вторую половину XIX и начало XX в. Нижней границей условно определены 1860-е гг., поскольку реформы именно этого времени расширяли путь капиталистического развития страны, к тому же именно после них в Сибирь хлынул поток переселенцев, что со временем в значительной степени преобразило всю жизнь за Уралом. Верхняя граница определяется революционными событиями 1917 г., существенно изменившими социальную организацию и условия хозяйствования в России в целом и Сибири, в частности.

Следование таким традиционным для отечественной историографии временным рамкам наглядно показывает, что многие смежные с артельной проблематикой вопросы если и рассматривались, то в иных временных отрезках. В советских исследованиях условная граница 1861 г. обыкновенно увязывалась с границей между феодальной и капиталистической эпохами. Соответственно и вторая половина XIX в. рассматривалась как время, по большей части, капиталистических отношений, во всяком случае, именно они попадали в первую очередь в поле зрения исследователей, а «феодальные пережитки», явления старой традиционно-аграрной эпохи уходили в тень в соответствии с приоритетно-прогрессивной «лестницей» формационной теории.

Поскольку в рамках данной работы рассматриваются принципиальные моменты: сами основы артельного союза, то, по сути, не так важно, какой именно материал привлекается – общероссийский или местный сибирский. Что же касается **территориальных границ** конкретно-исторического анализа сфер бытования артельной традиции, то они распространяются на территорию Российской империи, существовавшие в XIX – начале XX вв.

Теоретико-методологической основой исследования является модернизационная теория, не отрицающая существования объективных законов в истории и учитывающая стремление человека к прогрессу, усовершенствованию технологий. Известна «мобильность» теории, которая не ограничивает историческое исследование определённой тематикой, строгой хронологией и территориальными рамками. Основой модернизационного подхода является положение об эволюционном развитии общества от традиционного к информационному типу, в процессе которого оно последовательно проходит три стадии своего развития: аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу обычно и называется модернизацией. Будучи комплексным процессом, она охватывает все стороны развития общества: экономическую, социальную, политическую, культурную, правовую. В обозначенные хронологические рамки исследования в Российской империи как раз наблюдался процесс модернизации капиталистического типа. Для темы ин-

интересна модернизация в социально-экономической сфере развития общества, характеризующейся, в частности, развитием рынка наёмного труда и расширяющимся разделением труда, а также в культурном плане, где наблюдается эволюция трудовой этики от традиционной к буржуазной, что определяло и изменение хозяйственных отношений. На сегодняшний день теория модернизации является наиболее универсальной, общепризнанной в научном сообществе и широко применяемой методологией исторического исследования.

При изучении производственных отношений и процесса консолидации массы временных работников в отдельный класс постоянных профессионалов по сей день не утратил своей значимости традиционный марксистский подход, основанный на экономической теории К. Маркса. Здесь, прежде всего, важна его концепция первоначального накопления капитала, особенно внимание к социальной дифференциации, сосредоточении средств производства в руках отдельных лиц, взаимоотношениям рядового работника и организатора-хозяина производства и в целом – к общественной организации труда.

При решении поставленных в диссертации задач использовались как общенаучные, так и специальные **методы** исследования исторической науки. К первым относятся: сравнение и обобщение, метод анализа, позволяющий разложить исследуемый предмет на составные части, и синтеза – соединить полученные при этом элементы в единое целое. Ключевым является системный подход, ориентирующий на раскрытие целостности рассматриваемого явления и предполагающий рассмотрение его составных элементов в совокупности. Не менее важная роль принадлежит методу классификации, позволяющему, в частности, из огромного массива источников и литературы по изучаемой теме выбрать наиболее значимые.

Настоящее исследование базируется на принципе историзма, требующем рассмотрения предмета исследования в его эволюции и позволяющем выявить как закономерности и общие черты, так и характеристики индивидуального плана. Сущность артели в представлениях предшественников рассматривается

в развитии с момента самых первых формулировок, прослеживаются изменения в её понимании, учитывается, когда и по каким причинам они происходили.

Принцип историзма дополняется принципом объективности исследования, предоставляющим возможность применять в полном объёме анализ всех собранных источников и освобождающий от категорично-однозначных оценок. Объективность достигается систематическим, глубоким исследованием действительности в её многогранности и противоречивости с опорой на реальные факты и совокупность трудов других ученых.

Важен и ценностный подход, в соответствии с которым явление прошлого изучается как значимое для настоящей действительности. Артельная самоорганизация как низовая «демократическая» традиция в целом рассматривается с точки зрения рядового члена артельного союза. Т.е. в отличие от законодательства, политэкономических практиков и исследовательской литературы, глядящих на артель «сверху» (с точки зрения «пользователя» её услугами), в данной работе приведена попытка рассмотреть её с точки зрения участника, для которого артельный труд – неотъемлемая часть его мира.

Среди других используемых специальных исторических методов необходимо назвать сравнительно-исторический, с помощью которого была сопоставлена информация из различных источников для определения её достоверности, показана противоречивость и неоднозначность трактовок артели в отечественной историографии, сибирский артельный «материал» сравнен с общероссийским, отмечено частное и общее в эволюции артельных форм, а развитие этой традиции хозяйственной самоорганизации вписано в общие исторические процессы, протекавшие в стране в целом (и Сибири, в частности). А также проблемно-хронологический метод, позволивший выделить основные периоды осмысления артели и определить основные вехи эволюции её специфических черт, изучить и изложить различные аспекты артельной проблематики, сосредоточиться на отдельных критериях артельности и рассмотреть частные сюжеты хозяйственной жизни населения Сибири второй половины XIX – начала XX вв.

Характеристика источников. Настоящая диссертация опирается на источники, которые распределяются на нормативные, статистико-справочные, делопроизводственные, периодическую печать и источники личного происхождения.

Нормативные акты разного уровня, в силу отмеченных в первой главе особенностей отражения реальных артелей в нормах писаного права, важны для характеристики понимания их с позиции властей и работодателей.

Поскольку речь идёт о широко используемом термине, значение которого потому, кажется, и не требует дополнительного объяснения, то в отдельный вид источников настоящего исследования следует выделить публикации словарно-энциклопедического характера: этимологические, толковые и специализированные исторические. Они лучше других позволяют увидеть наиболее общераспространённое и общепринятое понимание того или иного слова/термина в его развитии в разных эпохах.

На страницы источников статистико-экономического и справочно-обзорного плана артель попадала крайне редко и только в том случае, если описываемые объединения были широко известны именно под этим наименованием, а чаще всего это указания на существование кустарных и кооперативных союзов в различных отраслях народного хозяйства. Обращаясь к этим изданиям, аккумулирующим первичный материал для конкретно-исторического исследования, нужно понимать, что здесь авторы не были заняты какими-либо теоретическими разбирательствами, а использовали общепринятую терминологию. Вероятно, для характеристики литературы, где так или иначе лишь косвенно затрагиваются артельные сюжеты, не столь важно, каких идейно-политических взглядов придерживался исследователь, к каким социальным группам принадлежал автор. Для сбора первичной информации об артелях важна лишь его профессиональная компетенция. Внимание к отдельным, часто сообщаемым попутно, деталям позволяет увидеть наличие или отсутствие специфических артельных черт в конкретном сообщении об «артели». Это же в

равной степени относится и к некоторым региональным административным актам местных органов власти и документам ведомственного делопроизводства.

Кроме опубликованных материалов, использовались и документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и ряде местных архивов (Государственные архивы Алтайского края, Иркутской, Новосибирской, Тюменской (Тобольский филиал), Томской, Читинской областей и Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). В силу своей специфики, артель там упоминается в единичных случаях, т.к. эта форма хозяйственной самоорганизации, будучи обычным явлением повседневной жизни, крайне редко попадала в архивные делопроизводственные документы. При работе с этими видами источников создалось впечатление, что она там чаще скорее подразумевалась, и упоминалась лишь в тех случаях, когда отдельно проговаривался принцип круговой поруки при найме и регламентации технологического процесса на капиталистическом производстве. Это преимущественно контракты с рабочими разных отраслей, отложившиеся в фондах городских маклеров, управ, дум, и в фондах горных округов и управлений, а также отдельных компаний и предприятий. Материалы этой группы крайне «распылены» и представляют собой типовые документы, по сути повторяющие уже введенные в научный оборот, поэтому в целом они имеют смысл лишь «очередной иллюстрации». Выбор конкретных сюжетов для анализа структуры артельного союза и функционирования элементов артельной традиции в пореформенное время был обусловлен доступностью и массовостью имеющихся в нашем распоряжении источников, работа с которыми вполне позволяет детально рассмотреть артельную проблематику в целом.

Важным источником первичной информации об артелях следует признать работы специалистов отраслей хозяйства, бытописателей, публицистов-корреспондентов периодических изданий и свидетельства современников, дающие более подробные «картины с натуры», чем официальный язык делопроизводственных документов. В работе задействована информация из центральных общественно-литературных журналов («Вестник Европы», «Отечест-

венные записки», «Русская мысль» и др.), и из специализированных исследовательских («Архив истории труда в России», «Записки ИРГО» (и разных его местных подразделов), «Горный журнал» и др.), где артели упоминались в аналитических сообщениях о состоянии дел в важнейших отраслях народного хозяйства. Отдельно здесь стоит выделить «Журнал гражданского и уголовного права / Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете», где в рамках работы по составлению гражданского законодательства и кодификации обычного права артельная проблематика порой выступала в качестве самостоятельной темы, и предпринимались попытки фиксации именно существенных моментов артельной организации, которые отличали её от иных народных хозяйственных союзов.

Лучше других о реальной пореформенной повседневности были осведомлены региональные сибирские печатные органы. В работе использовались материалы газет, выходивших в разных городах Сибири: «Амур» (Иркутск), «Восточное обозрение» (СПб., Иркутск), «Приамурские ведомости» (Хабаровск), «Сибирская газета» (Томск), «Томские губернские ведомости» (Томск). Сообщения об артелях, встречаемые на страницах этого вида источников обычно появлялись в связи с обсуждением злободневных проблем хозяйственного развития края. Известная трудность верификации сообщаемых в периодической печати данных и их субъективный характер тем не менее отлично иллюстрируют расхожее понимание артели в своё время. С этой же точки зрения для настоящего исследования были важны привлечённые источники личного происхождения (дневники, воспоминания, путевые заметки, художественная и публицистическая литература). Привлеченные источники дают достаточно информации, чтобы решить поставленные в диссертации задачи.

Научная новизна. В диссертации представлена попытка исследования артельной традиции и её трансформации на капиталистическом этапе индустриального развития страны (на примере Сибири второй половины XIX – начала XX вв.). Впервые комплексно анализируются основания для выделения артелей в особый, отличный от других, способ организации хозяйственной деятельно-

сти, обозначаются границы применимости этого термина для изучения традиции коллективного хозяйствования и предлагается «идеальный», собирательный образ артели, аккумулирующий в себе все существенные для этой формы самоорганизации моменты. Исследование в данной части не является всеобъемлющим и может послужить лишь началом дальнейшей научной разработки избранной проблемы. Первый шаг к этому представлен в виде анализа функционирования структурных элементов артели в различных сферах хозяйственной жизни дореволюционной Сибири.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения его материалов в научных разработках проблем, касающихся изучения социально-экономического развития России в XIX – начале XX вв., практики отечественного самоуправления на низовом общественном уровне и трансформации трудовых традиций в различных отраслях народного хозяйства в указное время. Результаты диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих сочинений по социально-экономической истории сибирского региона и страны в целом, при разработке общих и специальных курсов лекций по отечественной истории.

Апробация исследования. Диссертационное исследование прошло обсуждение и рекомендовано к защите на кафедре отечественной истории Томского государственного университета. Результаты докладывались на региональных конференциях в Томске (2009, 2010 гг.). Основные идеи, положения и выводы работы нашли своё отражение в семи публикациях общим объемом 4,5 п.л.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень её изученности, определяется объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи, даётся характеристика методологической и источниковой базы исследования, а также обосновывается структура работы, в котором представлены разные уровни рассмотрения предмета исследования.

Первая глава «Трактовки понятия «артель» состоит из четырёх разделов и представляет собой историографический очерк отечественного теоретического осмысления практики артельной самоорганизации. Здесь анализируются существующие трактовки артели в дореволюционной историко-правовой литературе, публицистике и историографии.

В первом разделе «Происхождение слова «артель» представлен обзор современного взгляда на этимологию самого слова «артель». Наиболее вероятным представляется восточное происхождение слова, т.к. эта версия исходит из соучастия и товарищеской основы объединения, что в гораздо большей степени определяет место артели в русской жизни, по сравнению с версией европейского заимствования, основывающейся прежде всего на хозяйственно-бытовой сути явления, чем оно, безусловно, не ограничивается. Здесь же формулируется наиболее общая его трактовка, где под артелью понимается «коллектив, в который объединяются люди для достижения общей цели».

Во втором разделе «Термин «артель» в русском дореволюционном законодательстве» прослеживаются изменения норм письменного права, касающихся артелей, от первой их фиксации в Уставе цехов (12 ноября 1799 г.) до позднейшего Положения об артелях трудовых 1 июня 1902 г. Отмечается, что дореволюционное законодательство так и не выработало стройного понимания артели в целом. Некоторые принципиальные для существования артели положения, без которых её невозможно представить, даже не были учтены. Господство начала равенства во внутренней жизни артели и указание на инициативу самих

участников для создания союза, т.е. самостоятельность (добровольность) артели – всё это по-прежнему лежало в области обычного права и многовековой народной трудовой практики, поэтому и любое законодательное определение артели не даёт полного представления о существовании этого явления народной жизни.

Представленная **в третьем разделе** «*Термин «артель» в отечественной литературе*» роспись определений артели в исследовательской и словарно-энциклопедической литературе, традиционно представляющей обобщённое и на тот момент общепринятое знание о том или ином вопросе, свидетельствует, что здесь также характерны фрагментарность и противоречивость предлагаемых трактовок. В литературе (в т.ч. специальной исторической) используемый термин порой вообще никак не проясняется, и артель понимается в самом общем расхожем смысле, т.е. часто описывается не собственно артель, а то, что так называлось в прошлом.

В этом ряду особняком стоит единственное специализированное исследование артелей в России А.А. Исаева (1881 г.), изучавшего артель в период до бурного развития капиталистических отношений в производстве, значительно изменивших всю социально-экономическую и культурную обстановку в стране, до стремительного наступления этого «нового» на традиционные коллективные формы труда и быта. Исследование А.А. Исаева, который предпринял попытку определить сущность артельного союза, не получило дальнейшего развития в историографии. Отдельные работы последующего времени, в разной степени затрагивающие артельную проблематику, аккумулируя разнообразный фактический материал, мало приближались к прояснению социокультурного феномена артели в дореволюционной России.

В четвёртом разделе «*Определение понятия «артель»*» на общероссийском и местном материалах предпринята попытка определить уникальные принципы артельной самоорганизации. Наиболее полное и точное определение артели, данное в своё время А.А. Исаевым, дополняется указанием на важность для артельной традиции самоорганизационной составляющей, т.е. инициативы самих участников в создании союза, добровольности объединения. Обозначается место

артели в модернизационном процессе и подчёркивается её связь с традиционной трудовой этикой. Иными словами, под артелью в целом понимается характерный для доиндустриального (аграрного) этапа развития общества самостоятельно учреждённый и основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих в ведении промысла, трудом или трудом и капиталом.

Такой коллектив чаще всего был неформальным и создавался на непродолжительное время (в известном смысле это случайная, спонтанная (порой, вообще разовая) форма хозяйственного сотрудничества людей). Эта трактовка сути артели в дореволюционной России, как представляется, лишена отмечаемых выше недостатков и противоречий между трудовой и бытовой сторонами артели. А также учитывает основные моменты, позволяющие отделить артель от иных хозяйственных коллективов, с которыми она традиционно некритически связывается в отечественной литературе.

Последнему аспекту артельной проблематики посвящена **вторая глава «Артель», «кооператив», община»: опыт разграничения понятий в отечественной литературе»,** которая логически продолжает первую и посвящена прояснению непосредственного предмета исследования.

В первом разделе «Артель и кооператив» отмечается, что в отечественной практике (дореволюционной и советской) понятия «артель» и «кооператив» за редчайшими исключениями обозначают одно и то же и употребляются как синонимы. В этом случае слово «артель» используется именно и только для обозначения новейшего производственного объединения, а вовсе не указывает на специфический самоорганизованный неформальный коллектив доиндустриальной эпохи.

Настоящее исследование в своём теоретическом аспекте продолжает работу по дифференциации и структурированию кооперативного движения в России, начатую отечественными историками в последние годы. Она показывает, что кооператив и иные формы хозяйственного объединения некорректно рассматривать как монолит, и поддерживают взгляд на артель как на феномен именно аграрного сословно-корпоративного общества. Хотя в самом общем виде и в трудовой артели и в кооперативе равно заключена идея взаимопомощи и коллективности действий, у

них коренное различие в целях объединения и средствах их достижения. В основу артельного союза положен совместный труд (это объединение труда или труда *и* капитала), а целью является получение вознаграждения за труд (зарплата, натуральный доход). В кооперативе же главное – торгово-денежные отношения, управление прибылями за счёт оборота или продажи продукции (получение прибыли и минимизация издержек). То же относится и к потребительской стороне союза. Артельная потребительская складчина и присущая любому кооперативу финансовая деятельность – явления разного порядка. Кроме обязательного труда собственно артели всегда свойственна общность имущества и господство начала равенства во внутренней жизни союза, а в капиталистическом предприятии, организованном на коллективных началах применяется система имущественных паёв и идёт объединение труда *или* капитала. И если производственный кооператив основывается на собственности своих членов, то артель – на их труде.

Во втором разделе «Артель и община. Артель в отхожих промыслах» отмечается, что артель, исторически была порождением общинного уклада в рамках общества доиндустриального и адаптировала именно традиционные общинные принципы (в отличие от коллективизма буржуазного толка на котором строится кооператив) в хозяйственной жизни его членов. Все производственные отношения строились здесь в соответствии с традиционной трудовой моралью непривелегированных слоёв российского общества, которая в целом не претерпела радикальных изменений, вплоть до 1917 г. Буржуазные и традиционные трудовые отношения имеют в своей основе принципиально разные трудовые этики. В этом смысле общине и артели, как объединениям доиндустриальной эпохи, противостоял кооператив, который был явлением эпохи капиталистической, покоящейся как раз на буржуазных принципах индивидуализма. Артель же, как феномен аграрного сословно-корпоративного общества, по сути, не может быть охарактеризована как один из видов кооператива, т.к. эта традиция низовой самоорганизации была укоренена в крестьянском менталитете. Кроме того, в отличие от артели кооператив был принципиально бессловным объединением (что обыкновенно особо подчёркивалось в кооперативной риторике).

Также имеются существенные основания для разведения артельного союза и общины/семьи. Принцип равного участия и оплаты по труду, круговая порука и проч. равно характерно для общины и артели, но есть и нюансы, обнажающие их различие и некорректность рассмотрения артельных самоорганизаций в ряду коллективной взаимопомощи в рамках крестьянской общины (помочи, супряги, толоки и пр.). Временный характер объединения ставит артель в прямую связь с сезонными отхожими промыслами, это явление в широком смысле «отходническое», а не местное, «кустарное», «домашнее». Здесь важен сам факт выхода крестьянина-отходника из ситуации предопределённости формы объединения с бытовой или трудовой целью в рамках семьи и общины. Это не был «индивидуализм» буржуазной эпохи, это было добровольное принятие человеком аграрного общества условий совместного хозяйствования вне заранее установленных структур. Там, где вхождение в коллектив определялось не свободным договорным соглашением, а фактом рождения, принуждением или иными независимыми от члена объединения обстоятельствами, говорить об артели не приходится. Семейность труда в рамках общины и изначальная семейность кустарного производства чужды самоорганизационной составляющей артельного труда.

Артельный труд всегда вольнонаёмный, а не принудительный, поэтому нельзя относить к артелям различные обязательные и санкционированные «извне» объединения, которые иногда называются именно так в литературе. Различные производственные кооперативы кустарей, инициируемые «сверху», а не создаваемые «снизу», образовывались под непосредственным влиянием земства и находились под его постоянным покровительством и надзором. Принцип добровольности и самостоятельности объединения и здесь выступает отличительным признаком собственно артели.

В последней **третьей главе «Сферы и структура артельной самоорганизации»** изучаются конкретные воплощения артельных принципов в различных областях народного хозяйства, анализируются особенности функционирования и трансформация артельной традиции и её структурных элементов в рамках модернизационных процессов в различных сферах хозяйственной жизни Сибири.

В историографии главенствует взгляд на артель как организационный элемент именно трудовой (промысловой) деятельности. Проявления артельности в сфере быта отмечались, но исследование именно этой стороны артели почти всегда ограничивается простым указанием на её наличие и рассмотрением её вне связи с общим определением артели как самоорганизованного хозяйственного союза. А без учёта этого момента крайне затруднено как собственно понимание артели, так и критическое восприятие сообщений об артелях в источниках. На это обращается внимание **в первом разделе «Бытовая артель»**. Практически любой случай коллективного существования податных слоёв вне рамок общины или семьи в той или иной мере предполагал объединение в бытовой союз, артель для совместного труда обычно одновременно решала и вопросы бытового плана при организации жизни на промысле и движении к месту работ и обратно. Однако некорректно заведомо видеть именно артель в любой организации быта на коллективных началах, здесь подчёркивается необходимость различать собственно артельные самоорганизации и уставом регламентированное разделение на группы с бытовой, потребительной целью, только называемые также «артелями». В частности, показывается неоднозначность фигуры «артельного старосты» в сибирской золотопромышленности, часто являвшегося фактически служащим с полицейско-надзорными функциями, нежели частью (главой) именно артели. На примере речников на Енисее в начале XX в. фиксируется позднейшее сохранение привычного способа организации быта при развитых капиталистических отношениях, когда артельным трудовым коллективам уже не было места на сложных централизованных производствах, и делается вывод о глубинной инерции артельной традиции самоорганизации.

Во втором разделе «Артель в капиталистическом производстве» на материале сибирской золотопромышленности изучаются особенности применения артельной формы трудового объединения в промышленном секторе экономики. Рассмотренная эволюция лексики дореволюционного законодательства, регулирующего производственную сферу, красноречиво свидетельствует, как артельные традиции изживались и заменялись обычными отношениями наёмных рабочих и хозяев. Простота и привычность артельных форм и эффективность лучших арте-

лей были привлекательны с точки зрения пользователя их услугами, который стремился насадить структурные элементы вольных артельных союзов для контроля над рабочими. Административно предписываемые формы трудовых союзов существовали параллельно с их прототипами из практики народной самодеятельности, но добровольность и неформальность были отличительными признаками собственно артелей от различных «партий», «команд» и пр. объединений, санкционированных «извне». Их сосуществование в рассматриваемое время наблюдалось повсеместно.

При этом в условиях капиталистически организованного предприятия часть составляющих артельной традиции использовалась и для контроля рабочих коллективов. Расправа, предписываемая Законом для рабочих партий в золотопромышленности, копируя внешние формы структурного элемента артели, не являлась собственно институтом артельной саморегуляции. Но даже в таком выхолощенном виде «рудименты» артельной традиции давали о себе знать. Подобные формально санкционированные «артели» консолидировали рабочих, создавая организационные формы для аккумуляции их протестных настроений. В конечном итоге попытки промышленников поставить артельный способ хозяйственной организации себе на службу провалились: из метода эксплуатации, настойчиво поддерживаемого центральными нормативными актами, она превращалась в оплот рабочего коллектива. И когда стало ясно, что эти организационные элементы используются рабочими для защиты не только своих экономических, но и социально-политических интересов, власти поняли, что эта форма организации рабочих, в известной мере, является универсальной. Начиналось её вытеснение сначала на периферию производственного цикла, а постепенно и всякое упоминание об артелях в контексте рабочих коллективов исчезает из законодательства.

Последнее накладывалось и на объективный процесс замены традиционных артельных принципов организации труда на капиталистические. С развитием пролетаризации работников и технологическим совершенствованием (прежде всего механизацией производства), ситуация смешения различных принципов трудовых объединений всё более трансформировалась в направлении установления, с одной стороны, обычных рабочих смен на производстве с фиксированным окладом, а с

другой, – бригадного подряда со сдельно-премиальной оплатой труда. Собственно артельные объединения вытеснялись в наиболее примитивно организованные сферы, на периферию хозяйственной жизни, где ещё был применим массовый неквалифицированный труд. С развитием модернизационных процессов, с изменением всего хозяйственного уклада и менталитета работников артельная форма труда менялась и постепенно вырождалась, она теряла свои отличительные черты, постепенно трансформируясь в производственную бригаду индустриальной эпохи.

В третьем разделе «Структура артели: староста и расправа» отмечается, что структура артели была принципиально одинаковой везде и использовалась повсеместно: в работе, в быту, в пути. Но чем большей технологической сложностью отличалась выполняемая артелью работа, чем большей квалификации и специальных навыков она требовала, тем большей регламентацией отличались и принципы структурирования коллектива. Простейшие организационные элементы неформальной артели (староста и общее собрание артельщиков) позднее в рамках капиталистического производства, сохраняя название, меняли свои функции: в принудительно организованных рабочих группах принцип коллективного принятия решений санкционировался для регулирования поведения рабочих, для дисциплинарных взысканий и т.д. Формально сохранялась сама фигура представителя рабочего коллектива, но либо выборному старосте требовалось утверждение от администрации предприятия, либо же эта должность прямо становилась назначаемой.

В заключении обобщаются итоги исследования. Общераспространенность артельных объединений в дореволюционной повседневности предопределила обыденность слова «артель» для России того времени. Так назывался народный хозяйственный (бытовой и/или трудовой) самоорганизованный союз, но существовало и его расхожее понимание – в самом общем смысле им обозначался сам факт объединения для чего-либо («коллективное» в противоположность «одиночному»). Это объясняет, почему появившуюся во второй половине XIX в. организацию, получившую на Западе наименование «кооператив», у нас сначала стали называть привычно – «артель». Так же по традиции артелью назывались самые разные хозяйственные и творческие союзы, кустарно-промысловые и иные объедине-

ния. Отсюда так много упоминаний об «артелях», которые в действительности были весьма отличны от свободных народных союзов традиционного общества. Но использование привычного слова для обозначения разнородных явлений не означает их тождественности.

В основе артельного союза лежали те же вечные принципы человеческого взаимодействия, что и в хозяйственных союзах новой эпохи, но артель была исторически обусловленным явлением. С развитием модернизационных процессов специфические основания артельной самоорганизации в конечном счёте «уходили» из прошлой действительности. Однако исследование функционирования и трансформации артельной традиции в условиях модернизации в нескольких характерных сферах хозяйственной жизни Сибири, показывает многообразие проявления артельного начала в дореволюционной России.

Некритическое отношение к известиям об артелях в источниках может существенно исказить реальную картину хозяйственной жизни на местах. Отмеченный выше комплекс специфических артельных черт объединения вполне позволяет выделить собственно самоорганизованные союзы и показывает, что артель – это не простое объединение нескольких. Являясь сложным социокультурным явлением доиндустриальной эпохи, артельная традиция самоорганизации с развитием капиталистических отношений сходилась на нет, уступая место производственным отношениям новой эпохи.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Новиков, И.А. «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве [Текст] / И.А. Новиков // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 327. – С. 83-85 (0,4 п.л.).

2. Новиков, И.А. Артельный староста и артельная расправа в сибирской золотопромышленности [Текст] / И.А. Новиков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1(13). – С. 7-11 (0,8 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

3. Новиков, И.А. Менталитет артельного работника в конце XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы) [Текст] / И.А. Новиков // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сб. трудов студентов и аспирантов исторического факультета. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 2009. – Вып. 4. – С. 58-60 (0,3 п.л.).

4. Новиков, И.А. Артель в России во второй половине XIX – XX в. К вопросу об определении термина [Текст] / И.А. Новиков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – № 4(8). – С. 147-161 (1,2 п.л.).

5. Новиков, И.А. Простое «объединение нескольких»? (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда) [Текст] / И.А. Новиков // VI Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925-1995): Материалы Международной научной конференции. – Новокузнецк: РИО КузГПА. – 2010. – С. 212-221 (0,8 п.л.).

6. Новиков, И.А. Артель как социокультурный феномен дореволюционной России (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда второй половины XIX – начала XX века) [Текст] / И.А. Новиков // Исторический Ежегодник. 2010.: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель. – 2010. – С. 69-78 (0,6 п.л.).

7. Новиков, И.А. Отечественное законодательство XIX – начала XX в. об артелях [Текст] / И.А. Новиков // Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сб. материалов российской молодежной научной конференции / под ред. П.П. Румянцева. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 2011. – Вып. 7. – С. 32–35 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 23 апреля 2011 г.
Тираж 100 экз. Заказ № 230411 .
Отпечатано в ООО «НИП»
г. Томск, ул. Советская, 47, тел.53-14-70